

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-31–49

ОБРАЗ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ХИЩНИКА НА СТЕЛАХ И ИЗВАЯНИЯХ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Л. Заика

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия
zaika_al@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена образу фантастического хищника в искусстве раннего бронзового века Среднего Енисея. Дана характеристика образов и определены два основных типа мифических персонажей: териоморфные и ихтио-серпентоморфные. Они сосуществовали параллельно, взаимно дополняя друг друга, начиная с эпохи неолита. Основной акцент сделан на рассмотрении линии развития ихтио-серпентоморфных образов. Это наиболее архаичная, многочисленная и многообразная группа изображений, находящаяся на изваяниях, стелах, могильных плитах, предметах мобильного искусства и на скалах. Изображения встречаются как самостоятельно, так и формируют головной убор и туловище антропоморфных образов. Прослежен процесс объемно-плоскостной трансформации и редукции мифических образов, проведена корреляция их с разного типа антропоморфными личинами. Частично рассмотрены вопросы генезиса и интерпретации фантастического хищника. Представления о нем формировались на местной основе. Иконография териоморфных персонажей определена морфологией обитателей наземной фауны: медведя, волка, реже – кабана. Основой формирования иконографии ихтио-серпентоморфных хищников послужил, видимо, образ представителей ихтиофауны со змеевидным телом – налима или сома. В процессе развития окуневского искусства реалистичные черты зооморфов приобретают фантастический или схематичный облик. Устойчивое сочетание фантастических хищников с антропоморфными образами и солярными символами отражает базовые позиции мировоззрения, связанные как с космогоническими представлениями, так и реальными процессами в жизни природы и человека. В последующие периоды образ мифического хищника переживает «ренессанс» (как в художественном, так и в содержательном аспектах) в скифо-сибирском искусстве, отражая парадигму «единство и борьба противоположностей» в древнем мировоззрении.

Ключевые слова: искусство окуневской культуры, мифический хищник, териоморфные и ихтио-серпентоморфные образы, антропоморфные личины

Во всем многообразии окуневского искусства одна из ведущих ролей отведена образу фантастического хищника (зверя-божества). Первой обратила на него

Данные об авторе: Заика Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, заведующий Музеем археологии и этнографии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

пристальное внимание и обоснованно соотнесла его изображения на скалах, стенах, изваяниях и мобильных носителях с окуневской культурой Э.Б. Вадецкая¹. По мере накопления информации об окуневском искусстве стали появляться работы, посвященные классификации и семантике данной категории образов². В результате появления каталога окуневских стел и изваяний (сначала на немецком, затем – на русском языке)³ на рубеже XX–XXI вв. заметно оживилась дискуссия по данной тематике как в статьях серии «Окуневский сборник»⁴, так и в других научных изданиях. Благодаря Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько мы в настоящее время располагаем представительным корпусом источников по окуневскому искусству на примере стел и изваяний.

Необходимо отметить, что образ фантастического хищника, как правило, являлся предметом исследования в контексте общих проблем, связанных с различными аспектами окуневского искусства, в большей степени – с вопросами классификации, хронологии и интерпретации антропоморфных образов, или когда вопрос касался какого-либо архетипичного сюжета (космическая погоня, например) или конкретного персонажа. Серьезных тематических исследований, связанных с образом зверя-божества в окуневском искусстве, к сожалению, практически не проводилось. Данная работа призвана привлечь внимание исследователей к этому своеобразному персонажу в окуневском искусстве, рассмотреть вопросы его типологии, развития образа во времени и пространстве, частично – его семантики.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА

Образ фантастического хищника в окуневском искусстве проявляется в различных вариантах и на разного вида носителях: в наскальном искусстве, на стенах и изваяниях, в мелкой пластике. Основной его отличительный признак: звероподобная головная часть в различных вариациях. Как дополнительные детали зооморфного характера – туловище, конечности, хвост. Как правило, неестественное разновидовое сочетание их с головной частью и нереалистичные детали последней послужили основанием для выделения данного образа и обозначения его как «мифического зверя», «фантастического хищника», «зверя-божества» и др.

На классических окуневских изваяниях структурно он занимает нижнюю позицию, непосредственно под центральным образом, в виде антропоморфной личности. По принципу полиэikonии хищник сопряжен с нею, формируя телесную часть антропоморфного образа: лоб – грудную часть, глаза – соски, верхняя челюсть – живот антропоморфа. В одном известном случае его лапы дублируют руки антропоморфа⁵. Под мордой животного / животом антропоморфа, как правило, находится знак солярного вида. В одном случае голова мифического хищника в определенной степени дублирует нижний образ, венчает изваяние и обращена

¹ Вадецкая 1967, 1980, 55–56.

² Леонтьев 1978, 114–115; Кожин 1979, 204–207; Вадецкая 1983; Кызласов 1986, 210–213; Пяткин, Курочкин 1995 и др.

³ Leontev, Kapelko 2002; Леонтьев и др. 2006.

⁴ Леонтьев 1997; Подольский 1997, 188–190; Пяткин 1997; Студзицкая 1997; Савинов 2006 и др.

⁵ Леонтьев и др. 2006, № 222.

вверх⁶. По морфологическим признакам в нем прослеживаются медведеподобные, реже – волкоподобные черты.

Необходимо обратить внимание на одну немаловажную деталь, которую часто отмечают исследователи, но не придают ей особого значения в контексте обсуждаемой темы. Это наголовье / головной убор в виде вертикального «отростка», извилистой ленты, который находится над центральной личиной изваяний. Он, как правило, имеет треугольные выступы по бокам и развилку на верхнем конце. Его основание в ряде случаев оформлено в виде головы хищника, который раскрытой пастью обращен к личине, т.е. есть все основания трактовать данный образ, как один из вариантов изображения мифического зооморфа. В нем проявляются не столько териоморфные, сколько ихтио-серпентоморфные черты. Более того, он встречается не только на изваяниях. Таким образом, круг фантастических хищников значительно расширяется.

На плоскостных основах (скальные грани, стелы и могильные плиты) мифический зверь обычно показан в полный рост. У него, как правило, присутствует поджарое туловище, удлиненные, напоминающие птичьи, конечности; закинута за спину хвост. Голова несет в равной степени как медведеподобные, так и волкоподобные черты, иногда – признаки кабана. Нередко показан раздвоенный змеевидный язык. Некоторые животные имеют более грузное туловище, короткие конечности и опущенный вниз хвост. Их образы чаще всего встречаются в наскальном искусстве. Ростовые фигуры могут быть показаны стоящими, идущими, сидящими. В ряде случаев положение их корпуса и конечностей придает им антропоморфный вид⁷.

В предметах мобильного искусства, как правило, обозначена только головная часть животного. В данном случае необходимо отметить костяной стержень с изображением зооморфа, в пасти которого находится голова другого животного; изображение раскрытой пасти хищника на бронзовом кинжале⁸; подвески с головами хищников, найденные в окуневских погребениях, но, к сожалению, опубликованные частично⁹. К данному разряду следует также отнести сигарообразные мини-изваяния, основание которых оформлено в виде головной части зооморфов, несущих как терио-, так и ихтио-серпентоморфные черты (рис. 1, 13–15). Уникальная композиция представлена на костяной пластине из могильника «Стрелка» участием лося и медведеподобного хищника. У них также наиболее узнаваемы головные части животных¹⁰.

Отдельно хочется отметить пока единственное известное скульптурное изваяние в виде головы хищника с раскрытой пастью, которое было обнаружено А.В. Адриановым и в настоящее время экспонируется в Красноярском краеведческом музее¹¹.

⁶ Леонтьев и др. 2006, № 194.

⁷ Савинов 2006, рис. 17–20.

⁸ Лазаретов 1997, табл. XIII, рис. 3.

⁹ Студзицкая 1997, табл. III, рис. 1.

¹⁰ Студзицкая 1997, рис. 1.

¹¹ Вадецкая 1980, табл. L, рис. 104.

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ОБРАЗА

Многие исследователи окуневского искусства в той или иной мере проводили дифференциацию мифических животных по определенным типам. В основном разграничивались рельефные изображения на изваяниях и плоскостные образы на плитах и скальных гранях. Более дробное деление на отдельные группы было проведено С.В. Студзицкой среди плоскостных изображений хищника. Правда, критерии выделения каждой группы у нее не совсем четко обозначены. К первой, «классической», группе исследовательница, приняв за основу фигуру мифического зверя из могильника Черновая VIII, отнесла идущих или стоящих хищников, обнаруженных в наскальном искусстве¹². Вторая группа изображений, которая мало отличается от «классической», но более сложная по деталям внутреннего и внешнего оформления, включает две стоящие, одну идущую и одну сидящую фигуры. Они в ряде случаев «изображают антропоморфные существа в масках фантастических хищников»¹³. Третью группу составляют «сидящие» фигуры, которые изображены в «полусидячей» позе¹⁴. Все рельефные и плоскостные изображения головной части хищников на стелах и изваяниях она объединила в одну группу¹⁵. Что касается генезиса образа фантастического хищника, то корни данной традиции, учитывая медведеподобность многих персонажей, С.В. Студзицкая видит в поздненеолитической мифологии местных таежных охотников¹⁶. Линию развития образа мифического зверя, судя по контексту рассуждений автора, следует соотносить с последовательностью номенклатурной характеристики выделенных групп.

Более основательно к вопросам генезиса образа фантастического хищника и определения вариантов траекторий его развития подошел спустя почти десятилетие Д.Г. Савинов: «...наблюдения за трансформацией данного образа могут оказаться весьма существенными, если не решающими, при рассмотрении формирования окуневской изобразительной традиции в целом»¹⁷. Анализируя данные зооморфные образы, он старался их соотнести с различными стилистическими направлениями в окуневском искусстве и провести корреляцию с выделенными им группами антропоморфных личин. Соглашаясь с многими исследователями, в том числе и с С.В. Студзицкой, Д.Г. Савинов ранние рисунки звероподобных хищников, которые лишены какой-либо антропоморфности и выполнены в ангарском стиле, связывает с образом медведя. Они, по его мнению, «знаменуют ранний, в своей основе – неолитический пласт в формировании окуневской изобразительной традиции»¹⁸. Данную группу довольно реалистичных образов, сочетающихся с рисунками ангарского и тасхазинского стилей, исследователь обозначил как поратигейскую¹⁹. Другую линию развития, которую представляют «присевшие» зооантропоморфные фигуры (в «одноногом» и «двуногом» вариантах), Д.Г. Савинов

¹² Студзицкая 1997, 252–253, табл. I.

¹³ Студзицкая 1997, 254, табл. II, рис. 2, 3, 5, 6.

¹⁴ Студзицкая 1997, 254–255, табл. II, рис. 1, 4.

¹⁵ Студзицкая 1997, 255–256, табл. III, рис. 3, 5, 6.

¹⁶ Студзицкая 1997, 257.

¹⁷ Савинов 2006, 168.

¹⁸ Савинов 2006, 168.

¹⁹ Савинов 2006, 168–169, рис. 17.

связывает с западными влияниями и соотносит с черновским («классическим») этапом развития окуневской культуры²⁰. По мнению исследователя, в промежуточный период между уйбатским и черновским этапами симбиоз вышеобозначенных традиций привел к появлению «классических» образов фантастического хищника²¹. Особую группу составляют хищники с грузными туловищами, соответствующие «декоративному» стилю окуневских петроглифов, основной состав которых представлен образами «тучных» быков с сетчатым декором туловищ²². Появление их исследователь также связывает с инородными влияниями. Изображения хищников на изваяниях (тазминская группа изображений), особенно те, головы которых отражены по принципу билатерального сечения, Д.Г. Савинов соотносит с завершающими этапами развития окуневского искусства²³.

Несмотря на ряд расхождений в критериях стилистического порядка при типологии образов, С.В. Студзицкая и Д.Г. Савинов в общем плане солидарны в вопросах генезиса и общей траектории развития окуневского искусства на примере звероподобных персонажей. Начальную стадию маркируют реалистичные медведеподобные хищники, заключительную – образы на изваяниях, промежуточную – плоскостные зооантропоморфные фигуры.

По нашему мнению, учитывая вышеприведенную характеристику данной категории окуневских изображений, базовую дифференциацию образов следует проводить, исходя из их общей морфологии, в основе которой лежат видовые признаки представителей фауны²⁴. Судя по общей характеристике персонажей, прослеживаются две базовые линии развития образа мифического хищника: териоморфная и ихтио-серпентоморфная. Начнем анализ образов с рассмотрения последней категории, как обойденной вниманием большинством исследователей.

ИХТИО-СЕРПЕНТОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ

Ихтио-серпентоморфные образы, как уже отмечалось, представлены в большинстве своем на изваяниях, реже зафиксированы в предметах мелкой пластики. К разряду последних, кроме сигарообразных мини-изваяний, можно отнести и ритуальный костяной «жезл» со змеевидным стержнем²⁵. Узнаваемые плоскостные изображения крайне малочисленны, представлены фрагментами ихтиоморфных образов и сравнительно полным гравированным изображением змеевидной фигуры хищника на могильной плите из кургана у Мохова улуса²⁶, фигурой «рогатой» и «зубастой» мифической рыбы на плите из Беренжака²⁷.

Рассмотрим ихтио-серпентоморфные образы на примере изваяний и стел. В композиционном плане они различаются своим позиционированием по отношению к антропоморфным образам: расположены сверху или под ними. Сначала

²⁰ Савинов 2006, 169, рис. 18, 19.

²¹ Савинов 2006, 169-170, рис. 20.

²² Савинов 2006, 170, рис. 3.

²³ Савинов 2006, 170, рис. 6, 7, 10.

²⁴ Предыдущие исследователи также следовали подобному принципу, но акцентировали свое внимание в большей степени на обитателе местной фауны – медведе.

²⁵ Вадецкая 1980, табл. XXIII, рис. 1.

²⁶ Ковалев 1997, табл. X, рис. 1; Киргинцев 1997, рис. 6.

²⁷ Есин 2010, 127, рис. 11.

рассмотрим их верхнее положение, которое на изваяниях прослеживается в виде головного убора.

Вертикальные наголовья центральных ликов на изваяниях, как правило, имеют извилистый змеевидный контур с боковыми «плавниками» (рис. 1, 2, 6, 10) и «рыбьим» раздвоенным хвостом. Иногда эта «лента» помещается с обратной стороны изваяний (рис. 3, 3). Головная часть в реалистичном исполнении имеет звероподобный облик и находит близкие аналогии среди традиционных образов фантастических хищников. Раскрытая пасть с двумя, как правило, зубами и змеевидным жалом обращена сверху к центральному антропоморфному лику, реже – к солярному знаку (рис. 1, 8, 10, 12; 3, 1).

По мере схематизации змеевидное тело образа приобретает вид зауженного в верхней части вертикального «столпа» или конусовидного головного убора антропоморфных фигур, в максимально лаконичном варианте – вертикальной прямой линии²⁸ (рис. 1, 1, 3–5, 12; 2, 4, 6, 8, 12–15; 3, 1–3). Головная часть зооморфа, пройдя ряд стадий трансформации и стилизации, приобретает вид простой развилки. Сам образ на примере ряда личин перемещается внутрь их контура²⁹ (рис. 3, 6).

Привлекая материалы мобильного искусства, можно полагать, что кроме змеевидных черт данные образы несут признаки, характерные для представителей ихтиофауны, ведущих донный образ жизни, – сом, налим. Прототипом объемных каменных их изображений были изделия из органических материалов. Соответственно, сигарообразные их воспроизведения надо считать наиболее архаичными (рис. 1, 16–18). Необходимо отметить еще одну линию развития ихтио-серпентоморфных образов, которая в большей степени проявилась в плоскостном искусстве на примере антропоморфов, выполненных в тас-хазинской изобразительной традиции. Головная часть у них, как правило, утоплена в плечи, туловище зачастую показано без верхних конечностей или имеет аморфные очертания (фасаморфные фигуры)³⁰.

Начнем анализ образов с солнцеголовых персонажей. На плоскости валуна с устья ручья Тибик мифический хищник показан под личиной и, в отличие от подобных образов на изваяниях, раскрытой пастью обращен вверх, моделируя сцену поглощения / рождения солнцеликой личины (рис. 2, 3). К контуру пасти примыкают снизу извилистые линии «змей» с развилками на концах. К личине в «солнечной» короне на стеле из Анхакова улуса также снизу обращены «змеи», изображенные как на туловище, так и по бокам фигуры (рис. 2, 1). Само туловище без рук и с бахромой боковых «лент» как бы обволакивает, поглощает солнцеликий образ, что позволило Ю.Н. Есину трактовать дуги плеч вышеприведенных фигур не только как «холмы и горы», но и как внешние контуры раскрытых челюстей хищника³¹. Подобную, но более лаконичную композицию можно наблюдать на стеле, переиспользованной в качестве менгира на Сырском чаатасе. В одном положении мы видим наголовье, в другом – «туловище» личины, сопряженной с солярным символом (рис. 2, 2). В последнем случае прослеживается отсутствие шеи, свисающие «ленты» по бокам туловища и змеевидный контур с округлыми

²⁸ Зайка 2021, 33.

²⁹ Есин 2005, рис. 6; Савинов 2006, рис. 10.

³⁰ Зайка 2009.

³¹ Есин 2008, 92–93.

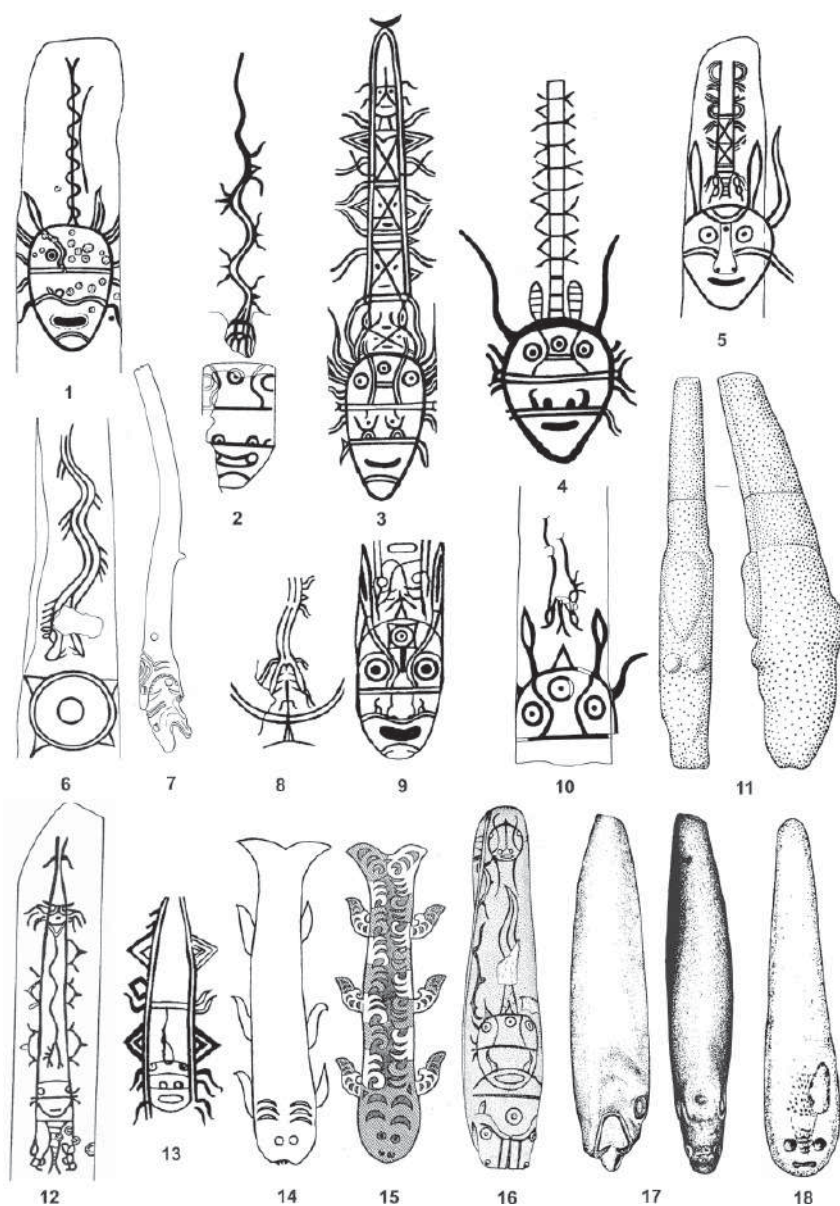

Рис. 1. Ихтио-серпентоморфные образы на изваяниях и в мелкой пластике окуневской культуры и их аналогии: 1–6, 8–13 – каменные изваяния (по: Леонтьев и др. 2006; Кызласов 1986); 7 – костяной жезл (по: Вадецкая 1980); 14, 15 – татуировка и кожаная седельная подвеска (в перевернутом виде) из захоронений пазырыкской культуры (по: Полосмак 1994); 16–18 – сигаровидные жезлы (по: Кызласов 1986; Тарасов, Заика 2000)

Fig. 1. Ichthyo-serpentomorphic images on sculptures and in small sculptures of the Okunev culture and their analogies: 1–6, 8–13 – stone sculptures (after Leontiev et al., 2006; Kyzlasov 1986); 7 – bone wand (after Vadetskaya 1980); 14, 15 – tattoo and leather saddle pendant (upside down) from the burials of the Pazyryk culture (after Polosmak 1994); 16–18 – cigar-shaped rods (after Kyzlasov 1986; Tarasov, Zaika 2000)

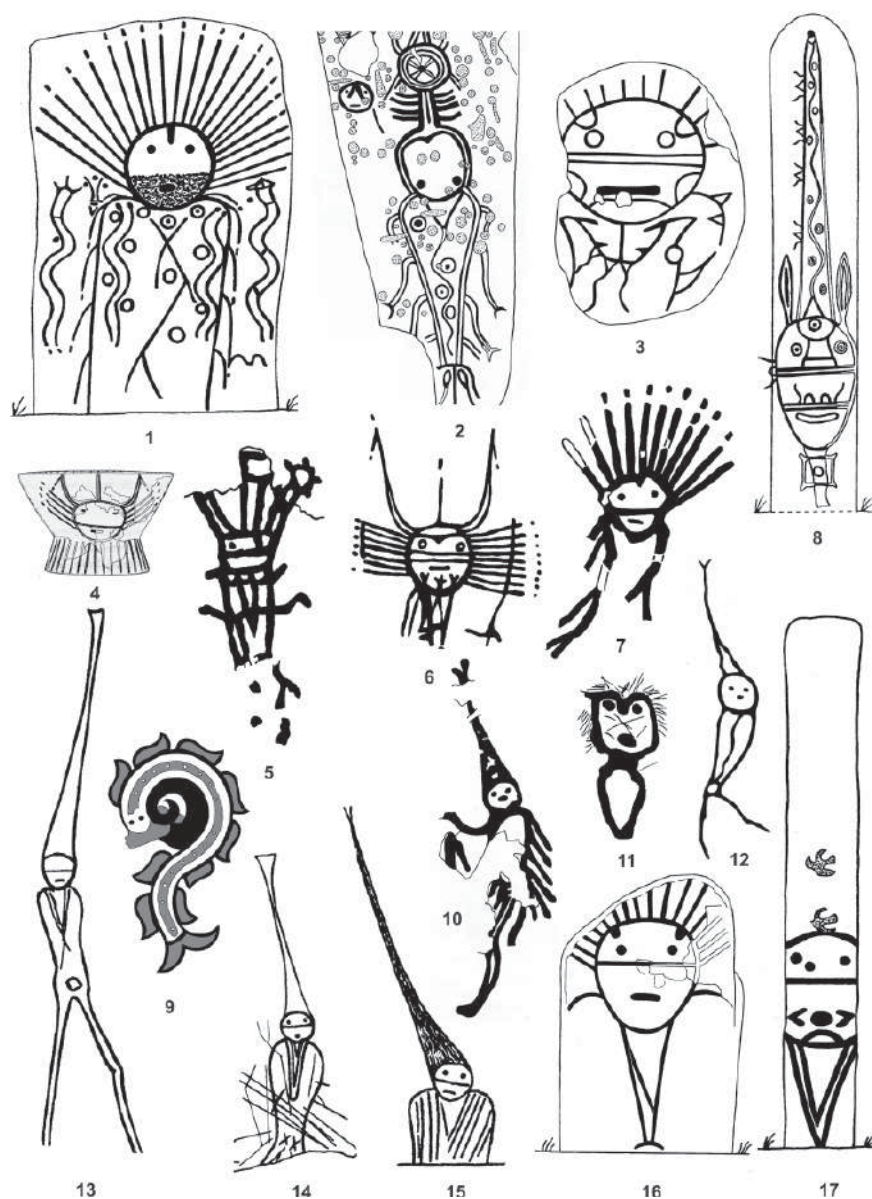

Рис. 2. Рисунки в тас-хазинском стиле и их аналогии: 1–3, 8, 16, 17 – каменные стелы и изваяния (2 – в перевернутом виде) (по: Леонтьев и др. 2006); 4 – рисунок на керамике (по: Поляков, Есин 2017); 5–7, 10–12 – наскальные рисунки (по: Заика и др. 1991; Пяткин, Мартынов 1985; Леонтьев 1985; Савинов 1997); 8 – кожаная аппликация (по: Полосмак 1994); 13–15 – могильные плиты (по: Липский, Вадецкая 2006)

Fig. 2. Drawings in the Tas-Khazin style and their analogies: 1–3, 8, 16, 17 – stone steles and statues (2 – upside down) (after Leontiev et al., 2006); 4 – drawing on ceramics (after Polyakov, Esin 2017); 5–7, 10–12 – rock paintings (after Zaika et al. 1991; Pyatkin, Martynov 1985; Leontiev 1985; Savinov 1997); 8 – leather applique (after: Polosmak 1994); 13–15 – gravestones (after: Lipsky, Vadetskaya 2006)

знаками внутри него, обращенный развилкой «пасти» к личине³². Подобные линии с развилкой на концах наложены и на нижнюю часть шалаболинской личины (рис. 2, б). Соответственно, надо полагать, что «туловища» многих фас-аморфных солнцеголовых фигур моделируют хищника, который в большей степени соответствует ихтио-серпентоморфной категории персонажей (рис. 2, 5, 7). В пользу данного предположения указывает и наличие у тасхазинских образов нагрудного треугольного контура – эквивалента (по форме и содержанию) конусовидного наголовья или абриса раскрытой пасти хищника (рис. 2, 13–17)³³. В роли последнего мог выступать, судя по конфигурации туловища ряда фас-аморфных образов и наличию многочисленных «отростков», представитель местной фауны – налим, образ которого в искусстве более позднего периода синонимичен в плане формы и содержания (рис. 1, 14, 15; 2, 9). Более того, это объясняет его необычное положение «вертикально на хвосте» в пазырыкском искусстве и у ряда рыб на оленных камнях Монголии³⁴. Не исключено, что в данном случае прослеживается определенная связь традиций. Головами вверх показаны и щуки, из раскрытых зубастых пастей которых «вырастает» солнцеголовый антропоморф на полимерной пластинке, обнаруженной в крохалёвском погребении на местонахождении Турист-2 на берегу р. Обь³⁵, что свидетельствует о распространении данной традиции / композиционного сочетания / сюжета и смысла заложенного в нем не только по времени, но и в пространстве.

ТЕРИОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ

В контексте поднятой темы обратим внимание на линию развития териоморфного образа в монументальном искусстве. Как мы уже отмечали, на «классических» изваяниях голова хищника располагается под центральным антропоморфным образом, обращена вниз и по принципу полиэйконии моделирует грудную часть антропоморфа. На стелах, погребальных плитах и других плоскостных носителях в большинстве случаев узнаваемый образ зверя в подобном сочетании с личиной исчезает, а на его месте появляется «воротничок» с тремя, реже двумя, остроугольными выступами³⁶. Меняется и сам облик личины. Что это? Смена парадигмы в окуневском искусстве? Изменения в мировоззрении населения эпохи ранней бронзы, следствием которого стали новые изобразительные стандарты?

Чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо обратить внимание на трактовку пасти животного на изваяниях. В трех случаях она показана реалистично: верхняя челюсть поднята вверх, нижняя – находится под острым или прямым углом к ней (рис. 3, 1, 2), в трех других ротовая полость показана условно, в виде симметрично раскрытых челюстей с зубами / клыками (рис. 3, 3, 4). Меняется и трактовка языка: его натуральный петлевидный контур приобретает вид двух

³² Подобное сочетание личины и ихтио-серпентоморфного образа в виде извилистой раздвоенной линии с округлыми знаками по сторонам прослеживается на примере ряда «классических» изваяний (рис. 2, 8).

³³ Дериватом их могут являться туловища «идольчиков» (рис. 2, 11).

³⁴ Ожередов 2008, 136.

³⁵ Заика и др. 2018, рис. 1.

³⁶ И.В. Ковтун в свое время обратил внимание в графической форме на данные факты – Ковтун 2013, табл. 18, но без соответствующих развернутых комментариев в тексте.

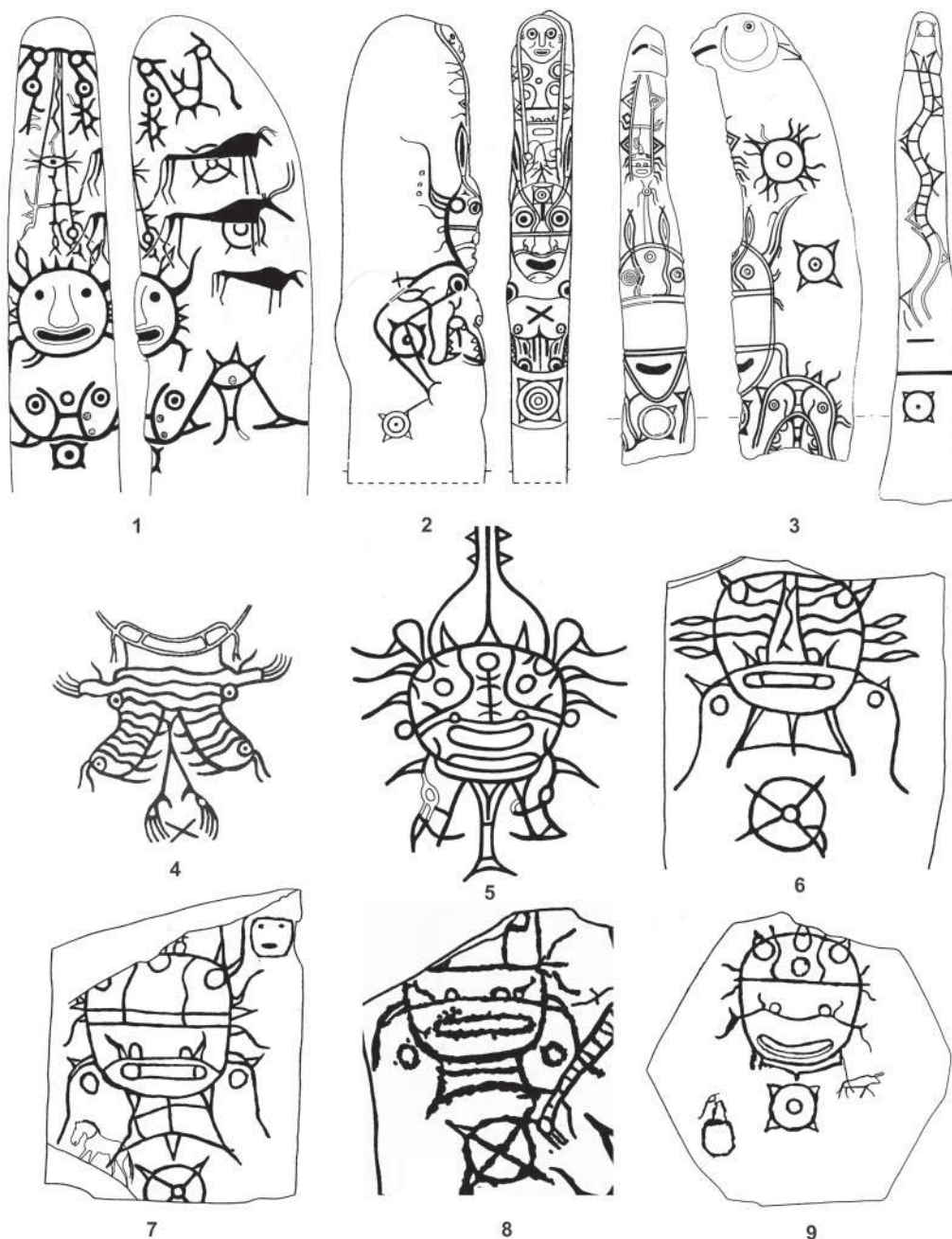

Рис. 3. Териоморфные образы фантастического хищника на стелах и изваяниях окуневской культуры: 1 – № 194; 2 – № 103; 3 – № 111; 4 – № 222 (фрагмент); 5 – № 157; 6 – № 182; 7 – № 181; 8 – № 180 (фрагмент); 9 – № 137 (номера изваяний по: Леонтьев и др. 2006)
 Fig. 3. Theriomorphic images of a fantastic predator on steles and statuettes of the Okunev culture: 1 – No. 194; 2 – No. 103; 3 – No. 111; 4 – No. 222 (fragment); 5 – No. 157; 6 – No. 182; 7 – No. 181; 8 – No. 180 (fragment); 9 – No. 137 (object's Nos. after Leontiev et al., 2006)

вытянутых и симметрично совмещенных дуг с перемычками (рис. 3, 5). Необходимо обратить внимание на изображение пасти хищника, нанесенное на боковую поверхность изваяния с оз. Белё (рис. 3, 3). В отличие от других она показана как симметричное совмещение двух верхних челюстей (судя по наличию глаз на лобной части каждой из них), т.е. здесь мы видим начальную стадию трансформации объемного образа в виде его развертки на плоскости путем симметричного совмещения его профилей. Учитывая, что изображения пасти находятся традиционно по обе стороны изваяния и так или иначе их верхние контуры очерчивают верхнюю челюсть во фронтальном ракурсе, можно говорить, что в данном случае прослеживается переходный этап в развитии нового изобразительного приема: переноса объема на плоскость.

Дальнейшее развитие данной традиции мы можем проследить на примере образов хищника на плите из могильника Разлив X и на яйцевидном изваянии, найденном у с. Аскиз (рис. 3, 4, 5). В обоих случаях симметричное совмещение двух верхних челюстей хищника переносится с боковой на фронтальную часть сюжетной связки антропоморфная личина – мифический зверь. Кроме этого, наблюдаются и другие инновации. На «яйце» головная часть животного несколько «утоплена» в нижнем контуре личины, и язык хищника непосредственно «вырастает» из ее подбородка, а у хищника на плите из могильника Разлив X аллоформой языка является развилка конечностей, обнимающих лапами / кистями крест.

Дальнейшая судьба образа хищника прослеживается на плоскостных основах (погребальные плиты, стелы). Наглядно этот процесс можно проследить, взяв за основу изображение развертки пасти животного на аскизском «яйце». Акцентируя внимание на языке и нижних границах челюстей, древний художник придал им универсальный абрис, представив их виде тройного разряженного пучка с перемычкой у нижних окончаний. О назначении последней можно только догадываться. Но так или иначе, данная изоформа приняла вид своеобразного «воротничка» личины (рис. 3, 6, 7). Необходимо обратить внимание, что в ряде случаев рядом с ним фрагментарно прослеживается контур лба, верхней границы челюсти и глаза животного, которые постепенно утрачивают свои реальные очертания, и образ хищника приобретает вид идеограммы в виде «шеи» с тремя выступами – максимально стилизованного символа раскрытой полости рта с языком (рис. 3, 8, 9).

По всей видимости, мы в данном случае наблюдаем процесс трансформации объемного образа при наложении его на плоскость с последующей стилизацией и доведением до лаконичного знака-символа.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Образ фантастического хищника, как мы успели заметить, играет немаловажную роль в мировоззрении и развитии искусства древнего населения в период окуневской культуры. Сюжетно связанный в различных формах с антропоморфными образами, он предполагает не столько противопоставление им, сколько генетическую связь с ними. Выступает в роли демиурга, «властелина вселенной», «три-бога»³⁷. Наблюдения П.М. Кожина и результаты экспериментальных иссле-

³⁷ Леонтьев 1997; Пяткин 1997; Пяткин, Курочкин 1995; Тарасов, Заика 2000.

дований позволили сделать вывод, что окуневские личины на изваяниях – производная форма мифических хищников, головная часть которых была развернута на плоскости, приняв антропоморфные черты³⁸. Принцип развертки объема на плоскости, и как вариант – симметричное совмещение профилей образа, ярко прослеживается не только в окуневском искусстве. Он, надо полагать, лежит в основе генезиса сердцевидных личин³⁹.

Судя по общей характеристике персонажей, прослеживаются две базовые линии развития образа мифического хищника: териоморфная и ихтио-серпентоморфная. Исследования многих ученых показали, что в основу окуневского териоморфного образа был заложен со времен неолита образ медведя, который впоследствии дополнялся чертами волка, кабана и других представителей местной фауны. Что касается хищника ихтио-серпентоморфного облика, то в основе его лежит, надо полагать, представитель ихтиофауны со змеевидным телом. В роли последнего мог выступать местный обитатель сибирских рек – налим – или по морфологии синонимичный ему другой представитель аквафауны, ведущий донный образ жизни, – сом, образ которого мог появиться извне. В любом случае облик самих изваяний, их миниатюры свидетельствуют об их ихтиоморфной сущности (рис. 1, 11, 16–18). Более того, ихтио-серпентоморфные образы в ряде случаев моделируют само изваяние со всем стандартным набором персонажей (рис. 1, 12, 13, 16), в определенной степени моделируя принцип «матрешки»: рыбоподобное изваяние – личина с рыбо-змеевидным наголовьем – наголовье, как изваяние – ихтио-серпентоморфный образ внутри его. Данное обстоятельство в очередной раз подчеркивает не второстепенную а, скорее всего, основополагающую роль данного образа в окуневской мифологии и искусстве.

Регионально или в этнокультурном плане эти две линии развития сосуществовали параллельно, периодически пересекаясь со времен неолита, о чем свидетельствует в эпоху ранней бронзы взаимное совмещение тех или иных их черт в териоморфных и ихтио-серпентоморфных образах. Более того, на ряде стел фигуры «стоящих», «идущих» звероподобных хищников взаимодействуют с рыбо-змеевидными контурами⁴⁰. Но на начальной стадии развития данного образа доминирующую роль играли последние, как наиболее вариативные и распространенные в окуневском искусстве. И как любой художественный образ, они претерпевают определенные изменения как во времени, так и в пространстве в период эпохи ранней бронзы. Во-первых, головные части образов приобретают териоморфные признаки, актуализируются змеевидные черты. Затем начинает превалировать в окуневском искусстве териоморфный вид хищника, изображенного в полный рост. Рыбо-змееподобные образы утрируются до уровня идеограмм в виде вытянутых треугольных контуров, вертикальных черт или усложненных образов наголовья личин, зооморфные образы под личинами приобретают вид «воротничков». Не исключено, что и пасть «верхних» ихтио-серпентоморфов по тому же алгоритму приобретает вид битреугольных фигур «курильниц» или «повозок», венчающих антропоморфные лики⁴¹.

³⁸ Кожин 1980, 205–207; Тарасов, Заика 2000.

³⁹ Заика 2012.

⁴⁰ Леонтьев и др. 2006, № 120, 204, 208.

⁴¹ Леонтьев и др. 2006, рис. 9–1, № 72, 159, 177, 268.

Сложно провести корреляцию с тем или иным типом антропоморфных ликов по причине высокой степени разнообразия последних на стелах и изваяниях окуневской культуры. Тем не менее попытаемся это сделать и поделиться своими наблюдениями, ориентируясь на иконографические группы личин и региональные их особенности, обозначенные Д.Г. Савиновым⁴².

На изваяниях тазминской («классической») группы представлены ихтио-серпентоморфные образы «верхнего» порядка (над центральной личиной) и звероподобные, довольно реалистичные образы «нижнего» уровня (под личиной) (рис. 3, 1–3). Реалистичные фигуры медведеподобных хищников, выполненных в «ангарском» стиле, фиксируются и на боковых гранях изваяний⁴³. Надо полагать, что данная группа образов относительно архаичная в окуневском искусстве.

На следующем этапе, когда фиксируется переход основных персонажей на плоскостные основы (стелы, могильные плиты), «нижние» зооморфы приобретают вид «воротничков» личин, «верхние» – перемещаются внутрь контура личин (черновская группа, второй вариант) или, возможно, трансформируются в своеобразные наголовья личин (лебяжинская группа)⁴⁴. В черновской группе изображений (первый вариант) зооморфы практически отсутствуют⁴⁵. В этот период получают развитие полноростовые образы звероподобных хищников, наделенных фантастическими чертами. Они сочетаются с личинами лебяжинской и черновской групп личин, в единичных случаях – с дериватами ихтио-серпентоморфных образов⁴⁶. Наиболее сюрреалистичные териоморфные персонажи композиционно связаны с ликами, которые иллюстрируют вырождение антропоморфной традиции в окуневском искусстве⁴⁷.

В кок-хаинской и джойской группах изображений хищники практически отсутствуют⁴⁸, если не брать во внимание горизонтальные линии с развилками / «уголками» по обеим сторонам рта личин, которые в одном случае моделируют раскрытую змеевидную пасть⁴⁹. Факт пока единичный, но немаловажный и, возможно, в будущем обозначится еще одна линия развития фантастического хищника.

Для тас-хазинской группы изображений, как упоминалось выше, характерны условные проявления ихтио-серпентоморфной категории хищников. Звероподобные образы практически отсутствуют. Исключение составляет изображение животного, у которого наряду с медвежьими и волчьими чертами прослеживаются признаки кабана («пяточок» верхней челюсти, «кабаньи» клыки)⁵⁰. Вместе с тем, ряд антропо-орнитоморфных образов может вписаться в разряд мифических зооморфов⁵¹.

Тас-хазинская изобразительная традиция относительно архаичная, охватывает южные районы Минусинской котловины. Она, видимо, пришла, но развива-

⁴² Савинов 2006; 2015.

⁴³ Леонтьев и др. 2006, № 288.

⁴⁴ Леонтьев и др. 2006, № 72, 159, 177, 268.

⁴⁵ Савинов 2006, рис. 8

⁴⁶ Леонтьев и др. 2006, № 120, 204, 208.

⁴⁷ Савинов 2015, рис. 14, 5.

⁴⁸ Савинов 2006, рис. 12, 13.

⁴⁹ Леонтьев и др. 2006, № 250.

⁵⁰ Муршидова, Заика 2018.

⁵¹ Есин 2008, табл. III, рис. 1.

лась под влиянием местных традиций, нашедших отражение в тазминской группе образов, характерных для центральных и северных районов региона⁵². Во всяком случае, если принять во внимание существование общего субстрата у «тазахазинско-каракольского стиля»⁵³, необходимо отметить отсутствие в иконографии каракольских антропоморфных образов факта «утопления головы в плечи» и наличие конических головных уборов.

Таким образом, анализ образа фантастического хищника в окуневском искусстве в значительной мере расширяет возможности определения относительной хронологии антропоморфных личин и позволяет проследить этапы развития древнего творчества в эпоху ранней бронзы на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Учитывая, что образ мифического хищника в окуневском искусстве довольно устойчиво сочетается с антропоморфными образами в виде личин или солярными знаками, надо полагать, что композиции с его участием отражают базовые позиции мировоззрения, связанные как с космогоническими представлениями, так и реальными процессами в жизни природы и человека. Нивелировав свои ярко выраженные формы в последующие периоды, он переживает «ренессанс» в скифо-сибирском искусстве как в художественном, так и содержательном аспектах, отражая парадигму «единство и борьба противоположностей» в древнем мировоззрении.

Данная работа в большей степени носит тезисный характер, обозначая траектории будущих научных изысканий, не претендует на законченность и требует дальнейших более углубленных исследований по данной тематике.

ЛИТЕРАТУРА

- Вадецкая, Э.Б. 1967: *Древние идолы Енисея*. Л.
- Вадецкая, Э.Б. 1980: Изваяния окуневской культуры. В кн.: Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков (ред.), *Памятники окуневской культуры*. Л., 37–147.
- Вадецкая, Э.Б. 1983: Проблема интерпретации окуневских изваяний. В сб.: Р.С. Васильевский (ред.), *Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство)*. Новосибирск, 86–97.
- Есин, Ю.Н. 2005: О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2(22), 114–128.
- Есин, Ю.Н. 2008: «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины. В сб.: Д.Г. Савинов, О.С. Советова (ред.), *Тропой тысячелетий: к юбилею М.А. Давлет*. Кемерово, 81–98.
- Есин, Ю.Н. 2010: *Тайна богов древней степи*. Абакан.
- Заика, А.Л. 2009: Принципы классификации антропоморфных образов (по материалам петроглифов Нижней Ангары). В сб.: Е.А. Окладникова (ред.), *Ното Eurasicus у врат искусства*. СПб., 307–325.
- Заика, А. Л. 2012: Сердцевидные личины в петроглифах Северной Азии (об истоках изобразительной традиции). В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями* 1. СПб., 148–156.

⁵² Савинов 2015, 41.

⁵³ Савинов 2015, 44.

- Заика, А.Л. 2021: Антропоморфные личины в древнем искусстве Западной и Восточной Сибири. *Вестник Томского университета* 69, 31–36.
- Заика, А.Л., Басова, Н.В., Постнов, А.В. 2019: Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске. В сб.: М.А. Дэвлет (ред.), *Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет*. М.–Кемерово, 123–130. (Труды САИПИ XII).
- Заика, А.Л., Гуштин, Е.В., Коваль, А.А., Стульский, А.В. 1991: Писаницы Третьего камня (предварительное сообщение). В сб.: Н.И. Дроздов (ред.), *Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока 2*. Красноярск, 28–29.
- Киргинев, Э.Н. 1997: Окуневский курган около у. Мохов. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 119–133.
- Ковалёв, А.А. 1997: Могильник Верхний Аскиз I, курган 2. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 80–112.
- Ковтун, И. В. 2013: *Предыстория индоарийской мифологии*. Кемерово.
- Кожин, П. М. 1979: О каменных изваяниях хакасско-минусинских степей. В сб.: Р.С. Васильевский (ред.), *Звери в камне (Первобытное искусство)*. Новосибирск, 199–210.
- Кызласов, Л.Р. 1986: *Древнейшая Хакасия*. М.
- Лазаретов, И.П. 1997: Окуневские могильники в долине реки Уйбат. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 19–64.
- Леонтьев, Н.В. 1978: Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). В сб.: В.Е. Ларичев (ред.), *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла*. Новосибирск, 89–189.
- Леонтьев, Н.В. 1985: Писаница устья р. Кантегир. В сб.: В.Е. Ларичев, Н.Г. Велижанина (ред.), *Рериховские чтения, 1984 год*. Новосибирск, 168–179.
- Леонтьев, Н.В. 1997: Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве). В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 119–133.
- Леонтьев, Н.В., Капелько, В.Ф., Есин, Ю.Н. 2006: *Изваяния и стелы окуневской культуры*. Абакан.
- Липский, А.Н., Вадецкая, Э.Б. 2006: Могильник Тас-Хазаа. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура и ее окружение*. СПб., 9–52.
- Муршидова, М.А., Заика, А.Л. 2018: Образ хищника в наскальном искусстве древних культур Среднего Енисея. В сб.: В.Г. Чернышева (ред.), *Сборник докладов и сообщений «Мартыановские краеведческие чтения» (2016–2017 гг.) XI*. Минусинск, 127–130.
- Ожередов, Ю.И. 2008: Олений камень из сомонного центра Эрдэнэ-Бурэн в Ховдском аймаке Западной Монголии. В сб.: Д.Г. Савинов, О.С. Советова (ред.), *Тропой тысячелетий: к юбилею М.А. Дэвлет*. Кемерово, 131–138. (Труды САИПИ IV).
- Подольский, М.Л. 1997: Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству). В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 168–201.
- Полосьмак, Н.В. 1994: *Стерегищие золото грифы*. Новосибирск.
- Поляков, А.В., Есин, Ю.Н. 2017: Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II. В сб.: А.П. Деревянко (ред.), *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда I*. Барнаул, 340–345.
- Пяткин, Б.Н. 1997: Замечания по поводу интерпретации образа фантастического хищника. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 263–264.
- Пяткин, Б.Н., Курочкин, Г.Н. 1995: Новое изображение зверя-божества окуневской культуры. В сб.: В.В. Бобров (ред.), *Древнее искусство Азии. Петроглифы*. Кемерово, 72–74.
- Пяткин, Б.Н., Мартынов, А.И. 1985: *Шалаболинские петроглифы*. Красноярск.

- Савинов, Д.Г. 1997: К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 202–212.
- Савинов, Д.Г. 2006: О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура и ее окружение*. СПб., 157–190.
- Савинов, Д.Г. 2015: О стратиграфии окуневского искусства. В сб.: С. Хансен., В.И. Молодин (ред.), *Искусство бронзового века*. Новосибирск, 19–53.
- Студзицкая, С.В. 1997: Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб., 119–133.
- Тарасов, А.Ю., Заика, А.Л. 2000: Малые формы окуневских каменных изваяний (проблемы интерпретации). В сб.: Л.Н. Ермоленко, А.И. Мартынов, Я.А. Шер (ред.), *Труды международной конференции по первобытному искусству II*. Кемерово, 182–188.
- Leontev, N.V., Kapel'ko, V.F. 2002: *Steinstelen der Okuneev-Kultur*. Mainz.

REFERENCES

- Esin, Yu.N. 2005: O nekotorykh problemakh interpretatsii izobrazheniy epokhi bronzy Tsentral'noy i Severnoy Azii [On some problems of interpretation of Bronze Age imagery of Central and Northern Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia] 2 (22), 114–128.
- Esin, Yu.N. 2008: “Solntsegolovye” izobrazheniya v ranneokunevskom iskusstve Minusinskoj kotloviny [“Sun-headed” images in the early Okunev art of the Minusinsk basin]. In: D.G. Savinov, O.S. Sovetova (red.), *Tropoyu tysyacheletiy: k yubileyu M.A. Devlet* [Following path of millennia. Toward jubilee of M.A. Devlet]. Kemerovo, 81–98.
- Esin, Yu.N. 2010: *Tayna bogov drevney stepi* [Mystery of the ancient steppe gods]. Abakan.
- Kirginekov, E.N. 1997: Okunevskiy kurgan okolo u. Mokhov [An Okunev burial-mound near the Mokhov]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 119–133.
- Kovalyev, A.A. 1997: Mogil'nik Verkhniy Askiz I, kurgan 2 [Verkhniy Askiz I cemetery, burial-mound 2]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 80–112.
- Kovtun, I.V. 2013: *Predystoriya indoariyskoy mifologii* [Prehistory of Indo-Aryan mythology]. Kemerovo.
- Kozhin, P.M. 1979: O kamennykh izvayaniyakh khakassko-minusinskikh stepey [On the stone figures of Khakass-Minusinsk steppes]. In: R.S. Vasilevskiy (red.), *Zveri v kamne (Pervobytnoe iskusstvo)* [Animals in stone (Prehistoric art)]. Novosibirsk, 199–210.
- Kyzlasov, L.R. 1986: *Drevneyshaya Khakasiya* [The most ancient Khakassia]. Moscow.
- Lazaretov, I.P. 1997: Okunevskie mogil'niki v doline reki Uybat [Okunev cemeteries in the Uibat River valley]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 19–64.
- Leontev, N.V. 1978: Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoy kul'tury (problemy khronologii i semantiki) [Anthropomorphic images of the Okunevo culture (problems of chronology and semantics)]. In: V.E. Larichev (red.), *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti. Neolit i epokha metalla* [Siberia, Central and Eastern Asia in ancient times. Neolithic and Metal Age]. Novosibirsk, 89–189.
- Leontev, N.V. 1985: Pisanitsa ust'ya r. Kantegir [Paintings at the mouth of river Kantegir]. In: V.E. Larichev, N.G. Velizhanina (red.), *Rerikhovskie chteniya, 1984 god* [The Roerich Readings, 1984]. Novosibirsk, 168–179.

- Leontev, N.V. 1997: Stela s reki Askiz (obraz muzhskogo bozhestva v okunevskom izobrazitel'nom iskusstve) [A stele from the Askiz River (an image of a male deity in the art of the Okunev culture)]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 119–133.
- Leontev, N.V., Kapelko, V.F. 2002: *Steinstelen der Okunev-Kultur*. Mainz.
- Leontev, N.V., Kapelko, V.F., Esin, Yu.N. 2006: *Izvyaniya i stely okunevskoy kul'tury* [Sculptures and steles of the Okunev culture]. Abakan.
- Lipskiy, A.N., Vadetskaya, E.B. 2006: Mogil'nik Tas-Khazaa [The Tas-Khazaa cemetery]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i yeye okruzhenie* [Okunev collection of papers. Culture and its environment]. Saint Petersburg, 9–52.
- Murshidova, M.A., Zaika, A.L. 2018: Obraz khishchnika v naskal'nom iskusstve drevnikh kul'tur Srednego Eniseya [The image of predator in the rock art of the ancient cultures of the Middle Yenisei]. In: V.G. Chernysheva (red.), *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2016–2017)* [The Martyanov local history readings (2016–2017)] XI. Minusinsk, 127–130.
- Ozheredov, Yu.I. 2008: Olenyy kamen' iz somonnogo tsentra Erdene-Buren v Khovdskom aymage Zapadnoy Mongolii [A deer stone from the somon centre Erdene-Buren in Khovd aimag of Western Mongolia]. In: D.G. Savinov, O.S. Sovetova (red.), *Tropoyu tysyachel'nyy: k yubileyu M.A. Devlet* [Following path of millennia. Toward jubilee of M.A. Devlet]. Kemerovo, 131–138.
- Podolskiy, M.L. 1997: Ovladenie beskonechnost'yu (opyt tipologicheskogo podkhoda k okunevskomu iskusstvu) [Mastering infinity (an experience of typological approach to the art of the Okunev culture)]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 168–201.
- Polosmak, N.V. 1994: *Steregushchie zoloto grify* [Vultures guarding gold]. Novosibirsk.
- Polyakov, A.V., Esin, Yu.N. 2017: Kuril'nitsa s antropomorfnyimi izobrazheniyami iz ranneokunevskogo pogrebeniya mogil'nika Itkol'-II [An incense burner with anthropomorphic images from the early Okunev burial of the Itkol'-II cemetery]. In: A.P. Derevyanko (red.), *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian archaeological congress] I. Barnaul, 340–345.
- Pyatkin, B.N. 1997: Zamechaniya po povodu interpretatsii obraza fantasticheskogo khishchnika. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 263–264.
- Pyatkin, B.N., Kurochkin, G.N. 1995: Novoe izobrazhenie zverya-bozhestva okunevskoy kul'tury [A new image of the animal deity of the Okunev culture]. In: V.V. Bobrov (red.), *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify* [Ancient art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo, 72–74.
- Pyatkin, B.N., Martynov, A.I. 1985: *Shalabolinskie petroglify* [Petroglyphs from Shalabolino]. Krasnoyarsk.
- Savinov, D.G. 1997: K voprosu o formirovaniy okunevskoy izobrazitel'noy traditsii [On the formation of the Okunev pictorial tradition]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 202–212.
- Savinov, D.G. 2006: O vydelenii stiley i ikonograficheskikh grupp izobrazheniy okunevskogo iskusstva [On the definition of styles and iconographic groups in Okunev art]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i yeye okruzhenie* [Okunev collection of papers. Culture and its environment]. Saint Petersburg, 157–190.
- Savinov, D.G. 2015: O stratigrafii okunevskogo iskusstva [On the stratigraphy of Okunev art]. In: S. Hansen, V.I. Molodin (red.), *Iskusstvo bronzovogo veka* [The Bronze Age art]. Novosibirsk, 19–53.
- Studzitskaya, S.V. 1997: Tema kosmicheskoy okhoty i obraz fantasticheskogo zverya v izobrazitel'nykh pamyatnikakh okunevskoy kul'tury [The space hunting theme and the im-

- age of a fantastic beast in the monuments of art of the Okunev culture]. In: D.G. Savinov (red.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 119–133.
- Tarasov, A.Yu., Zaika, A.L. 2000: Malye formy okunevskikh kamennykh izvayaniy (problemy interpretatsii) [Small forms of the Okunev stone sculptures (problems of interpretation)]. In: L.N. Ermolenko, A.I. Martynov, Ya.A. Sher (red.), *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii po pervobytnomu iskusstvu* [Proceedings of International conference on primitive art] II. Kemerovo, 182–188.
- Vadetskaya, E.B. 1967: *Drevnie idoly Eniseya*. Leningrad.
- Vadetskaya, E.B. 1980: Izvayaniya okunevskoy kul'tury [Sculptures of the Okunev culture]. In: E.B. Vadetskaya, N.V. Leontev, G.A. Maksimenkov (red.), *Pamyatniki okunevskoy kul'tury* [Sites of the Okunev culture]. Leningrad, 37–147.
- Vadetskaya, E.B. 1983: Problema interpretatsii okunevskikh izvayaniy [Problems of interpretation of the sculptures of the Okunev culture]. In: R.S. Vasil'evskiy (red.), *Plastika i risunki drevnikh kul'tur (Pervobytnoe iskusstvo)* [Plastics and drawings of ancient cultures (Primitive art)]. Novosibirsk, 86–97.
- Zaika, A.L. 2009: Printsipy klassifikatsii antropomorfnykh obrazov (po materialam petroglifov Nizhney Angary) [Principles of classification of anthropomorphic images (based on petroglyphs of the Lower Angara)]. In: E.A. Okladnikova (red.), *Homo Eurasicus u vrat iskusstva* [Homo Eurasicus at the gates of art]. Saint Petersburg, 307–325.
- Zaika, A. L. 2012: Serdtsevidnye lichiny v petroglifakh Severnoy Azii (ob istokakh izobrazitel'noy traditsii) [Heart-shaped face-masks in petroglyphs of Northern Asia (on the beginnings of the art tradition)]. In: D.G. Savinov (red.), *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations] 1. Saint Petersburg, 148–156.
- Zaika, A. L. 2021: Antropomorfnye lichiny v drevnem iskusstve Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri [Anthropomorphic face-masks in the ancient art of western and eastern Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal] 69, 31–36.
- Zaika, A.L., Basova, N.V., Postnov, A.V. 2019: Antropomorfnyaya mnogofigurnaya kompozitsiya iz pogrebeniya na poselenii Turist-2 v Novosibirske [An anthropomorphic multi-figure composition from the burial at the Turist-2 settlement in Novosibirsk]. In: M.A. Devlet (red.), *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva (2). Pamyati E.G. Devlet (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva. XII)* [Visual and technological traditions of early art forms (2). In memoriam E.G. Devlet (Issues of the Siberian association of prehistoric art researchers. 5)]. Moscow–Kemerovo, 123–130.
- Zaika, A.L., Gushchin, E.V., Koval', A.A., Stul'skiy, A.V. 1991: Pisanitsy Tret'ego kamnya (predvaritel'noe soobshchenie) [Petroglyphs of the Tretiy kamen' (preliminary report)]. In: N.I. Drozdov (ed.), *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archaeology and ethnography of Siberia and Far East] 2. Krasnoyarsk, 28–29.

IMAGE OF A FANTASTIC PREDATOR ON STELES AND STATUES OF THE OKUNEV CULTURE

Alexander L. Zaika

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia
zaika_al@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the image of a fantastic predator in the art of the Early

Bronze Age of the Middle Yenisei. Characteristics of images are given, and two main types of mythical characters are identified: theriomorphic and ichthyo-serpentomorphic. They coexisted in parallel, mutually complementing each other, starting from the Neolithic. The main emphasis is placed on the consideration of the line of development of ichthyo-serpentomorphic images. This is the most archaic, numerous and diverse group of images. They are depicted on statues, steles, gravestones, objects of mobile art, and on the rocks. They are found both independently and forming the headdress and torsos of anthropomorphic images. The process of volumetric-plane transformation and reduction of mythical images is traced; their correlation with different types of anthropomorphic masks is carried out. The questions of the genesis and interpretation of fantastic predators are partially considered. Ideas about this image were formed on a local basis. The iconography of theriomorphic characters is determined by the morphology of the inhabitants of the terrestrial fauna: a bear, a wolf and a wild boar. The basis for the formation of the iconography of ichthyo-serpentomorphic predators was, apparently, the image of a representatives of the ichthyofauna with a serpentine body such as burbot or catfish. In the process of development of Okunev art, realistic features of zoomorphs acquire a fantastic or schematic appearance. The stable combination of fantastic predators with anthropomorphic images and solar symbols reflects the basic positions of the worldview associated with both cosmogony ideas and real processes in the life of nature and man. In subsequent periods, the image of the mythical predator experienced a “renaissance” (both in artistic and content aspects) in Scythian-Siberian art, reflecting the paradigm of “unity and struggle of opposites” in the ancient worldview.

Keywords: Okunev art, mythical predator, theriomorphic and ichthyo-serpentomorphic images, anthropomorphic faces
